

В. Е. Моисеенко

Ещё раз об истории слова *водка*
(ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

Славянский вестник. Вып. 1. М., МГУ, 2003, с. 84-95.

«ни в области фонетики, ни в области семантики
мы не можем рассчитывать на математически
точные результаты; на всех наших этимологических
операциях лежит печать вероятности»

(ХугоШухарт)

Теме межславянских языковых контактов и языковых заимствований посвящены многие научные исследования. Хорошо известно, что, например, польский язык в течение нескольких столетий (XVI в. - 1-й четв. XVIII в.) активно взаимодействовал с восточнославянскими языками и диалектами, оказывал на них значительное влияние в области словарного состава. О польско-русских, польско-белорусских и польско-украинских культурно-языковых связях в эпоху средневековья существует значительная литература. При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что в этом, казалось бы, детально описанном и «профильтрованном» материале, ещё имеются лакуны и «темные» места. В частности, отсутствует аргументированная этимологическая атрибуция целого ряда общеупотребительных русских слов вероятного или даже очевидного польского происхождения, которые являются важными свидетелями давних исторических межславянских культурно-языковых отношений.

В качестве одного из таких предполагаемых полонизмов, который требует более убедительных подтверждений его заимствованной природы, мы избрали распространённое русское слово *водка*. Когда носители русского языка (в их числе и люди с высшим гуманитарным образованием) узнают о том, что *водка* может быть не русским словом, они удивляются. Психологически это вполне объяснимо. Ещё большее удивление может вызвать указание на то, что это привычное для русского слуха слово имеет инославянское, а именно, польское происхождение.

Наблюдения показывают, что этимологи не очень охотно рассматривают подобные, казалось бы, «прозрачные» случаи, часто просто не включая их в специальные словари. У них для этого имеются веские причины. Их следует искать в близком генетическом родстве славянских языков. Замечательная сохранность праславянской архетипической системы деривации, которая и в наши дни состоит из почти идентичного перечня способов и средств словообразования, создаёт значительные затруднения в этимологических исследованиях слов с общеславянскими корнями. Слабая разработанность теории языковых контактов и языковых заимствований именно на материале

близкородственных славянских языков создаёт дополнительные трудности для историков языка и этимологов. В результате этого, например, для эпохи позднего средневековья полностью доказуемыми становятся лишь документально зафиксированные случаи первых употреблений отдельных исследуемых слов в письменных источниках. Вероятно поэтому о слове водка нет упоминаний в наиболее известном и авторитетном «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера (в том числе в его русском переиздании с дополнениями акад. О. Н. Трубачева). Сведения о происхождении слова водка можно обнаружить в немногих источниках, в частности, в составленном проф. П. Я. Черных «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» (Т. 1-2, 2-е изд., стереотип., М., 1994). На данные этого источника мы будем ссылаться в процессе последующих рассуждений.

Описание инославянских лексических заимствований требует разных подходов и неодинаковых усилий. Если некоторые из них атрибутируются вполне надёжно с использованием почти стандартных методов экстралингвистического и собственно языкового анализа, то вынесенный в заголовок данной статьи случай следует всё же отнести к достаточно сложным и запутанным. Теме происхождения слов *wódka* / *водка* специально посвящались научные конференции, на которых велись жаркие дискуссии. Автору этих строк доводилось слышать различные высказывания относительно происхождения этого абсолютно по-славянски звучащего слова в кругу лингвистов разных стран. Приходилось читать монографии, специально посвященные алкогольному напитку с этим названием, включая экзотические истории его появления, а также версии первоначального названия того, что теперь называется водкой [Ср., например: В. В. Похлёбкин, «История водки», Москва, «Интер-Версо», 1991].

Когда речь заходит о языке, в котором рассматриваемое слово впервые могло появиться, как правило, называются только два языка: русский и польский. При этом предпочтение нередко отдаётся русскому языку, т. к. с определённых пор водка в мире традиционно и с полным основанием считается русским национальным напитком. Почему всё-таки речь идёт всегда именно об этих двух славянских языках? Если подходить с позиции историко-хронологической, то самый весомый аргумент (нелингвистической) природы состоит в том, что именно в польском и русском языке слова *wódka* и *водка*, называющие известный крепкий алкогольный напиток, живут и исправно функционируют уже более 400 лет. Пока мы знаем лишь приблизительно с какого времени слово водка / vodka стало распространяться на территории Руси-России и Польши. С уверенностью можно говорить лишь о том, что, начиная с конца XVII - начала XVIII века, продукт с названием водка уже становится заметной составной частью международной торговли спиртными напитками, является почти

непременным элементом культурно-бытовой традиции у многих народов. Однако в массовом сознании, ставшее своеобразным интернационализмом слово водка (вотка - vodka - votka) уже давно ассоциируется преимущественно с русскими и/или российскимиреалиями. Начиная с указанного времени, данное слово в иноязычныхписьменных источниках трактуется преимущественно только как русизм. Ср., например, тур. votka (фиксир. с XVII в.), англ. vodka(фиксир. с XVIII в.) и др.

В славянских языках и диалектах существует множество старинныхоригинальных, а также заимствованных от соседних славянских народов названий для крепких спиртных напитков как конечного продуктадистилляции или, проще говоря, перегонки. Они образованы преимущественно от глаголов со значением «тепловая обработка продукта в закрытой ёмкости или на открытом огне» типа: «гнать - возгонять — перегонять», «жечь — палить», «печь — пропекать», «курить - воскуривать» ит. д., которые имеют общеславянские корни. Это продуктивные образования типовой мотивации «носитель признака» в плане словообразования оформлены по-разному. Ср. в этой связи: чешек. pálenka, koralka (отпольск. gorzałka), словац. palenka; польск. gorzała, gorzałka, gorzały wino, palanka, palenka, лужицк.palens, palenz; словен. žganje; хорват, (кайкав.) žganica; градишч.-хорв. žgano; серб.-препеченца; белорус, гарэлка: укр. горілка; др.-рус. водка перепоустная (XVII в.); рус. перегонное белое вино [В. Даль, Словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. С. 218], а также общее для восточных славян самогон, самогонка.

В древнерусских письменных памятниках, в том числе в летописях (данные фольклора мы не учитываем), начиная с XIV в., нередко фигурирует старославянское наименование снадобий и настоек *зеле*, в значении «лекарство, волшебная трава» [И. И. Срезневский, Материалы для словаря др.рус. языка. Т. 1, стлб. 970]. Ср. также и в других славянских языках старинные названия с корнем *zel- с общими значениями «зелья приворотные, лечебные и ядовитые»: ст.-чешск. zeli (zelina), польск. zioła, хорв. zelje (с XIII в.; в значении «traveljekoviteiliotrovne; herbae».

86

Свидетельства, относящиеся к истории появления на Руси крепкихнапитков на основе спирта, очень ненадёжны и противоречивы. В справочной литературе читаем: «Первые сведения о получении винного спирта как спиртного напитка в Древней Руси приводятся в "Вятской летописи" (12 в.)» [БСЭ, 2-е изд., Т. 8. М., 1951, С. 103]. В новейшей электронной версии Большой Советской энциклопедии эта хронология ужесдвинута (произвольно?) на два века ближе к нашим дням: «Водка, крепкий алкогольный напиток, смесь ректифицированного этилового спирта сводой. Выработка В. (хлебного вина) в России началась в конце 14 в.»

Информация из процитированных выше источников представляется не очень достоверной¹. В ней отсутствует важнейший элемент языковой номинации - само упоминание названия «винного спирта», о котором идёт речь в словарной статье. Как он назывался? В первой справке есть проговоренное вскользь указание на письменный источник XII в., который якобы и должен подтвердить существование искомого продукта уже в то время. Но она не проясняет, а затемняет суть рассматриваемой проблемы. Известно, что дошедший до наших дней свод самой древней русской «Лаврентьевской летописи» относится к XIV веку (он был переписан в 1377 г.) [А. А. Шахматов, Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб, 1908]. Все остальные сохранившиеся своды старейших русских летописей датируются преимущественно XV-XVI вв. [Я. С. Лурье, Общерусские летописи XI-XV вв. Л., 1976; Б. М. Клосс, Никоновский свод и русские летописи XV-XVI вв. М., 1980]. Говорить о фактах, относящихся будто бы к XII в., оперируя при этом свидетельствами письменных документов XV-XVI вв. - занятие по меньшей мере несерьёзное.

Но можно говорить с уверенностью о свидетельствах внеязыковых, о том, например, что технология изготовления перегонного куба и трубчатого металлического змеевика - обязательных составных частей технологии производства спирта - на Руси в XII веке ещё не была известна. Достоверным и многократно подтверждённым историками является факт, что впервые производство спирта было открыто арабами Средиземноморья в XII веке (по другой версии - в монастырях Италии, но в том же столетии). Когда и какими путями эта тщательно скрываемая от посторонних глаз технология достигла территории Руси - об этом пока можно лишь строить предположения разной степени вероятности.

1 Максимальная достоверность фактографических источников в этимологических исследованиях особенно важна. Использование в этом качестве устаревшего энциклопедического издания 50-х гг. XX века, а также его современной интернет-версии — занятие не очень надёжное. К тому же любая энциклопедия это уже всегда дайджест, т. е. сокращённый свод данных, вынужденно опускающий и то, как и откуда получены сведения, входящие в словарную статью.

87

В древнерусских письменных памятниках XVI столетия есть достаточно свидетельств появления на Руси привозного винного спирта - экзотической, дорогой и редкой по тому времени «лечебной» aqua vitae. Документально засвидетельствовано, что при царе Иване IV Грозном разбавленный водой спирт (водка), будучи уже распространённым алкогольным напитком, становится предметом казённого обложения. А вот зафиксировать появление самого названия водка / водка, относящегося к этому времени, пока не удаётся. Вместе с тем, подтверждаются факты широкого употребления в эпоху, непосредственно предшествующую Смутному времени на Руси и оккупации поляками Москвы (рубеж XVI и XVII вв.), иных выражений, таких, например, как *зелие* и *зеленое*

вино (второе - явно метафорической природы ¹) и с очевидной «хмельной» коннотацией, которая проявляется в контекстах.

В целом данные др.-русского языка не противоречат фактам, имеющим отношение к истории винокуренного производства за пределами Руси. В германских землях, а также в соседних с ними польских, производство спирта (и водки как его деривата) несомненно возникло раньше, чем в (велико)русских землях, т. к. технические и технологические новшества эпохи средневековья распространялись в соответствии с вектором «запад→восток» и почти никогда наоборот. В научной полемике именно этот момент до сих пор остаётся решающим при утверждении «хронологического приоритета» польского слова *wódka* перед русским *водка*.

Появление любого нового продукта предполагает его первичную номинацию в одном из языков. У западных славян таким первичным названием для водного спирта / водки первое время было заимствованное латинское двусоставное наименование *aqua vitae*, которое подверглось последующим языковым трансформациям, в результате которых и превратилось в слово *wódka*. А вот установить точную или приблизительную дату «рождения» этого неологизма в старопольском и в др.-русском языке пока никому из исследователей не удалось. Это важный момент в наших рассуждениях, ибо в случаях, когда удаётся обнаружить первую фиксацию неологизма в письменных документах, почти автоматически снимаются многие вопросы, связанные с его лексико-семантической атрибуцией.

1 При сравнении метафорического выражения *зеленое вино* в русских актовых книгах XVI века и метафорических выражений *кровавое вино* и *синее вино* в др.-русском эпическом памятнике «Слово о полку Игореве», воссоздающем картину русской жизни XII века (но в списке конца XV - начала XVI в.), напрашиваются аналогии. Определённый интерес представляет сравнение выражений, формально относящихся к одной лексико-семантической группе и употребляемых, фактически, в одну эпоху, но которые отражают две разные языковые стихии: народно-разговорную и поэтическую.

88

Др.-русские хроники, судебники, челобитные, другие актовые документы представляют немало сведений, связанных с историей питейного дела и водочного акциза. Но в них нет ни одного факта, который бы каким-то образом подтверждал вхождение слова *водка* в великорусский язык в современном значении уже в середине XVI века. А именно об этом свидетельствует один авторитетный лексикографический источник ¹.

Неологизм эпохи средневековья *кабакь*, «тематически» связанный со словом *водка*, также можно внести в список «тёмных словечек», не имеющих достоверной этимологии [Фасмер, II : 148]. Учёные расходятся во мнении относительно того, пришло ли это слово на Русь из немецкого языка, попало ли

оно в немецкие диалекты из русского языка или является заимствованием ориентального происхождения. Известно только, что впервые слово *кабакь* в значении «трактир» документально зафиксировано в грамоте 1563 года из г. Весьегонска [Ф. А. Котов, *Хождение на Восток* (1-я четв. XVII в.), ИОРЯС, 12, 1 (1907), с. 67]. Где кабаки, там и водка. Только как она называлась русскими в 60-е годы XVI века?

Если говорить о наиболее ранней и, по нашему мнению, совершенно ненадёжной датировке слова водка, относящейся к 1533 году, то она ещё более запутывает и без того сложную историю русского слова *водка* и польского *wódka* (см. сноску 3). Однако полностью отбрасывать её мы не имеем права. Постараемся найти в ней то рациональное, что может иметь непосредственное отношение к истории Руси и к рассматриваемой теме. Особенно если принимать в расчёт сам письменный источник — Новгородскую IV летопись, а также Новгородскую республику (до её удушения Иваном IV Грозным) как очень значительный центр торговли и ремёсел, которая счастливо избежала татарского нашествия и успешно торговала с Ганзой. Здесь знакомство с новыми и ходовыми товарами, к числу которых просто не могла не относиться и быстро полюбившаяся *aqua aromatica*, происходило раньше, чем в континентальной Московии. Для нашей темы существенными являются факторы географический (близость от Новгорода балтийских ганзейских торговых центров), а также этнический и языковой (немалую часть населения в этих балтийских портовых городах составляли славяне).

1 Конкретно на появление этого слова на великорусской языковой территории уже в сер. XVI в. указывает «Словарь русского языка XI-XV вв.» (вып. 1, М., 1975), в котором фиксируется слово *водка* в Новгородской IV летописи под 1533 г. А это ровно на целое столетие «опережает» начальную датировку проф. П. Я. Черных, в «Историко-этимологическом словаре» которого первое упоминание о слове водка относится к 1633 году. Другие, более современные исследования, передвигают фиксированное в древнерусских контекстах появление лексемы *водка* к 1600 году, но не ранее этого времени [Вести-Куранты 1600-1639. М., Наука, 1972]. В рассматриваемом случае определённое сомнение вызывает сама «игра» цифр: 1533-1633. Здесь исподволь напрашивается мысль о возможной механической ошибке при обработке картотеки.

89

Остальные др.-русские языковые территории, включая ареалы белорусского и украинского языка, мы исключаем из наших рассуждений, поскольку на них не обнаружены случаи употребления рассматриваемого слова в эпоху средневековья.

* * *

Несмотря на кажущуюся абсолютную «прозрачность» семантики словообразования, и русское слово *водка*, и польское *wódka* не

имеют общепринятой этимологии. Что пишут об этих словах исторические словари-тезаурусы и этимологические словари польского и русского языка? Видный польский этимолог А. Брюкнер высказывается очень кратко, но определенно. В словарной статье *woda* читаем: «*wódka* *łumaczyła* *aqua vitae* (*okowita*, *wodazycia*), *od nasna* *Ruspowedrowało wódezcka*, *wódczany*» (выделено нами - В. М.) Самуил Линде в обстоятельной статье к слову *gorzała* приводит много сведений, касающихся крепких алкогольных напитков в разных славянских языках, в том числе оригинальные названия *wódka* *horjka*, водка, водочный, крисулуя и другие, но не упоминает об истории этих слов. В других авторитетных польских исторических и этимологических словарях информация по интересующему нас вопросу отсутствует.

В русских изданиях данные о происхождении слова водка скупы. Наиболее полно они представлены в упомянутом словаре проф. П. Я. Черных. В сжатой, но насыщенной сведениями словарной статье имеется ценное для нашей темы указание, что «на русской почве слово водка известно с XVII в.» [П. Я. Черных, Историко-этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 159-160]. Здесь же и редкие словарные иллюстрации типа: *вотка* *липова* *цвету* (1633 г.), *вотки* *цвету* *из* *василкового*, *водки* *из* *травы* *волчьих* *ягод*, *водки* *коричной*, *изо* *вяких* *разных* *трав* *вотки* *и* *сыропы* (все без исключения «аптечно-рецептурно-кулинарного» ряда - В. М.) Сюда включены два разговорных выражения из оксфордского издания «Русской грамматики» 1696 г. немецкого учёного и путешественника Г. Лудольфа: «Изволишь чарку вотки (?) - Вотку неуживаю» с латинским переводом слова *vočka* как *aqua aromatica*.

.90

В отличие от А. Брюкнера, П. Я. Черных нигде не упоминает о заимствованном характере слова *водка*. Однако он полон сомнений относительно структуры семантического «подстрочника» этого слова: «Всё это (т. е. предшествующие рассуждения и контекстуальные примеры - В. М.) наводит на мысль, что слово *водка* по происхождению есть производное от *вода* [...м. б., странное значение «уменьшительности» здесь вторичное?!. а *отводить*, *вести* (ср. *проводка*, *сводка* и т. д.)» (подчерк. нами - В. М.) [там же, С. 160]. Далее следует, на наш взгляд, не совсем убедительное рассуждение: «Однако *водка* уже в XVII в. стало связываться с *вода* и получило значение «хлебное вино» (м. б., по его прозрачности, бесцветности?). Возможно, что известную роль сыграла при этом и латин. *aqua vitae* — фигуральное наименование (букв. «вода жизни») крепкого алкогольного напитка» [там же] ¹.

Среди современных славистов бытует мнение о том, что не русское слово *водка*, а именно польское слово *wódka* представляет собой сохранившуюся до наших дней «усечённую» первую часть дословного переложения латинского *aqua vitae*. Будучи фактологически корректным, оно вызывает возражения, как не вызывают принципиальных возражений утверждения некоторых исследователей о том, что именно польское слово *wódka* представляет собой не только первичную «усечённую» кальку

лат. *aqua vitae*, но также является непосредственным образцом прямоголексического заимствования, проявившего себя на русской почве в форме *водка*.

Известно, что в польских землях в XV1-XV1П вв. в ходу были ииные, но первоначально не польские, а только латинские сложные наименования для крепкого, на спиртовой основе экзотического «лекарственного» напитка: *vinumadustrum*, *vinumcrematum*, *aqua aromatica* — все традиционными для той эпохи «алхимическими», «лечебными» и «косметическими» коннотациями. Часть из них, с первым элементом *aqua*, в принципе, также могла служить подстрочником при калькировании польского *wódka*.

1 В цитируемом абзаце из словаря требует уточнения ономаσιологическая (касающаяся обозначения) и семасиологическая (касающаяся значения) составляющие лексемы *водка*, которая в русской языковой практике получила не значение«хлебное вино», а приобрело обозначение (название) в оболочке этого словосочетания. Оно издавна употребляется в качестве местного и/или диалектного вотдельных областях Руси-России, хотя и значительно реже, чем выражение«белое вино» или просто субстантивы «белое», «белая».

91

В этой связи интересно наблюдение П. Я. Черных о том, что на русской языковой почве слово *водка* «на первых порах употреблялось какназвание лекарственного (неалкогольного) напитка, жидкого лекарства, сиропа, настоя из целебных трав, корней и пр.» [П. Я. Черных, Ист.-этим. сл. Т. 1. С. 159]. В русском речевом общении 1-й трети XVII всёещё явно преобладает та же «аптекарская» коннотация, что и в польском *wódka*, но только прослеживается она с хронологическим «отставанием»в несколько десятилетий в сравнении с польским словом. Это подтверждается данными и польского, и русского языка.

Проследим теперь как трансформировался в польском языке послекалькирования латинизм *aqua vitae*. Под воздействием универбациинапольской языковой почве двусоставное латинское наименование *aqua vitae*=*wodazycia* утратило второй словоэлемент. А первый словоэлемент *woda* в процессе семантического развития приобрёл, наряду с деминутивностью, также экспрессивный элемент ласкательности в словоформе *wódka*.

В польском языке в оболочке лексемы *okowita* - «*alkoholraztylkodystylowany*, *gorzałka*, *smierdziucha*» сохранился также и этот слабо мотивированный слитный вариант двусоставного латинского выражения *aqua vitae*. Этот исторический полонизмсохраняется и в современном украинском словоупотреблении в виде старинного названия сорта водки / горілки под названием *оковита*. Ср. также в этой связи пример из южно-(велико)русского языка начала XVIII в.: «*налей винца доброваяковитки*» [Черных, Т. 1 : 159] или смоленское

диалектное: *акавитая* (*кавитая*) [Фасмер I : 65].

Отметим, что в польской языковой практике середины XIX века прослеживается почти парадоксальная стилистическая дифференциация при параллельном употреблении двух форм: собственно польской *wódka* и «русской» *vodka*. Не совсем ясна мотивировка, по которой, например, в польской языковой среде (не только в пределах Российской империи, в частности, в Царстве Польском, но также и на территории Габсбургской монархии - в Западной и Восточной Галиции) название этого алкогольного напитка очень часто воспроизводилось не по-польски *wódka*, а оформлялось графически как *vodka* (литера *v* в польской графике и правописании — явление достаточно редкое; она употребляется преимущественно для передачи оригинального написания ограниченного числа латинских, французских, английских или русских слов). В данном случае это косвенное свидетельство непольского происхождения слова. Ср., например, надпись середины XIX века на бутылочной этикетке известного водочного фабриканта Бачевского во Львове: *Baczewski vodka*.

В данном конкретном случае о какой-либо преднамеренной русификации речь, безусловно, идти не может.

92

В заключение проанализируем словообразовательную семантику русского слова *водка* и обобщим сказанное в пользу его заимствованной природы. Сам процесс заимствования из польского языкового источника в русский и последующая адаптация в принимающем языке не повлекли за собой значительных фонетико-морфологических трансформаций, за исключением позиционной мены гласных [ó] / [o] в корне праславянского происхождения **vod-*. Важнейшим здесь остаётся вопрос о наличии или отсутствии в этом слове семантического элемента деминутивности и о роли суффикса -*k-*/*-k-*. Нам понятны отмеченные выше сомнения проф. П. Я. Черных относительно «странного значения «уменьшительности», которое может быть вторичным». По некоторым представлениям, его придаёт рассматриваемому слову общеславянский суффикс -*k-*. Однако проведённые автором настоящей публикации опросы более чем ста носителей русского языка показали, что подавляющее большинство из них «не чувствует» оттенка уменьшительности в слове *водка*. Следует отметить, что по этому же вопросу имеются и иные мнения, например: «**Водка. Древнерусский уменьшительный падеж** (деминутив) [так в тексте. - подчерк. нами - В. М.] от слова *вода*, образованное по типу репа - репка, душа - душка, вода - водка» [В. В. Похлёбкин, Кулинарный словарь. М., Центрполиграф, 2000. С. 88]. Однако подобная дефиниция не выдерживает лингвистически корректной критики. Безусловно, лексема *водка* может обладать и уменьшительным значением, точнее сопровождаться экспрессией ласкательности, например, в форме *водочка*. Эти семантические особенности приобретаются вполне традиционным способом деривации, но не от корня *вод-*, а от осложнённой

первоначально суфф. -к- формы вод-к(а), т. е.: вод-к(а) / вод-очк(а) (фонемат. [к] 1 [а₁чк]). Перед [к] беглая [а₁+ч] действительно создают деминутивность. По законам русского словообразования уменьшительная форма от вод-а → вод(и)-чк(а), а от вод-к(а) → вод(о)-чк(а), которые оформлены разными гласными **и** **ио**. В словаре В. Даля встречаем даже деминутивную форму от *водка* → *водонька*.

Русской форме *водочка* лишь отчасти соответствует польский деминутив *wódeczka*, в котором в отличие от русского слова не один, а два смысла: «водочка» и «водичка» (ср. современный пример из кашубского диалекта, который не позволяет без дополнительного контекста определить какой именно смысл заложен в нём: «Najlepšinaritk to je vodečka»). Спектр польских деминутивов от *wódka* значительно шире русского. Ср.: *wódeczka*, *wóduleczka*, *wódziunia*, *wozisia*, *wódula*.

93

Число аугментативов от польского *wódka* и русского *водка* ограничено. Ср. польск. *wódczysko* ~ «*prsykazdejsluziewódczyskiemzalewa*» или его русскую вульгарно-просторечную параллель *водяра*.

При более детальном рассмотрении оказывается, что русское по всем своим формальным показателям слово *водка* с трудом вписывается в формальную сетку современной русской словообразовательной семантики, в которой для этого слова ещё нужно подыскать «нишу», соответствующую его формальной структуре и семантической природе. Это - рудиментарное свидетельство того, что *водка* является очень давним заимствованием хотя и генетически родственного, славянского, но всё-таки иноязычного источника.

Очевидно, что *водка* образована не по модели *репа - репка, душа - душка*. Это иной, нечасто встречающийся случай инославянского заимствования, в котором утрачен остаточный элемент дополнительного смысла (в нашем случае это деминутивность), предположительно имевший место в польском языке-доноре. Анализ осложняется тем, что элементы словообразования (корень + аффиксы) и словообразовательная семантика практически полностью совпали в языке-доноре и языке-реципиенте уже на начальной стадии межъязыковой интерференции.

И всё же слову *водка* должно быть найдено место в русской семантической словообразовательной классификации. Его можно отнести, в частности, к разряду суффиксальных существительных, мотивированных существительным - *словом с модификационным значением*. Словообразовательная модификация, сущность которой заключается в добавлении к основному значению мотивирующего слова *некоторого дополнительного элемента смысла*, может быть использована как вспомогательное средство при семантической классификации. По формальным показателям рассматриваемую лексему можно отнести также к разряду существительных с модификационным значением подобия [Русская грамматика. Т. 1. М., «Наука», 1982. С. 205-206], но с

определённой долей условности, ибо в слове *водк(а)* всё-таки не очевиден основной смысл как H₂O, присущий слову *вода*.

Важно, что этому лексико-семантическому разряду не свойственно экспрессивное значение деминутивности, которого, как мы подчёркивали, нет и в слове *водка*. Входящие в его состав существительные женского рода с суф. -к-, называют преимущественно неодушевлённый предмет, похожий по внешнему виду или по какой-либо функции на предмет, названный мотивирующим словом типа: *нога - ножка* (рояля), *шляпа - шляпка* (гигантского гриба, например), *стена - стенка* (мебель; контрфорс), *книга - книжка* (любого формата и веса), *печь - печка* (обычная русская печь), *стрела - стрелка* (на ж/д) и т. д.

94

Слово *водка* может быть отнесено также и к существительным стилистической модификации, которые представляют собой разговорные или просторечные синонимичные варианты слов типа: *тётя - тётка*, *няня — нянька*, *самогон — самогонка*, *кладовая — кладовка*, *колени - коленки*, *скамья — скамейка* и т. д. [там же, с. 216-217]. В относящихся к этому типу словах нет деминутивности. К нему, скорее по формальной, а несмысловой аналогии, может быть отнесена и пара *вода - водка*, которая функционально поливалентна и продуктивна в русской литературной разговорной и профессиональной речи, а также в русском просторечии.